

какъ и въ гл. 8, смѣшивающей Изиду съ Іо, тогда какъ въ Генеалогіяхъ ¹⁾ Теодонцій и Леонтій уже научили его сомнѣнію.

Предыдущія соображенія опредѣляютъ порядокъ, въ которомъ мы обратимся къ разбору латинскихъ трудовъ Боккаччо: De Claris mulieribus, De Casibus, Генеалогія боговъ и Географическій словарь. Отъ De Casibus неотдѣлима и по времени, и по замыслу біографія Данте.

II.

Уже по самому настроенію своему Книга объ Именитыхъ женахъ примыкаетъ къ Корбаччо, это какъ бы поправка къ нему. Въ Корбаччо женщины глубоко принижены; если между ними являются великіе и мужественные умы, то это ошибка природы ²⁾; достойныя женщины — рѣдкость, которую подобаешь превозносить тѣмъ болѣе, но въ этихъ похвалахъ не находили надобности наши праѣды, да и намъ не придется прибѣгать къ нимъ: скорѣе почернѣетъ лебедь, чѣмъ наши женщины обратятся на правый путь.

Въ De Claris mulieribus эта крайняя точка зрѣнія смягчена и расширена: нравоучительное настроеніе то-же, что и въ Корбаччо, то-же порицаніе любви, расточаются похвалы дѣвственности, супружеской вѣрности, но рядомъ съ добродѣтельными женами являются и просто именитыя, хотя бы и порочныя, но порочныя героически, замѣчательныя умомъ, интересныя своей судьбой, біографіей, вообще прославленныя. Какъ и въ Корбаччо женщина поставлена ниже мужчины, тѣмъ больше возбуждаетъ удивленіе стяжанная ею слава. Не нравственное содержаніе, а именно *слава* объединяетъ понятіе «именитыхъ женщинъ»; и добродѣтель и порокъ одинаково вызываютъ нравствен-

1) IV, 46; VII, 22.

2) Сл. De Claris Mul., с. 91: по поводу Либерты Epicaris.

ный урокъ, и, какъ въ Декамеронѣ, Боккаччьо не избѣгаетъ откровенности, приглашая читательницу сорвать розу, минуя шипы.

«Недавно, удалившись вѣскольکو отъ бездѣльной толпы и почти не занятый ¹⁾, я написалъ книжку въ особую похвалу женскаго пола, на утѣху друзьямъ, скорѣе, чѣмъ на великую пользу обществу» ²⁾. Такъ начинается посвятительное письмо Боккаччьо къ Андреѣ Аччьяйоли ³⁾. Онъ колебался, къ какой дамѣ направить свой трудъ, чтобы ея именемъ обезпечить его успѣхъ въ публикѣ. Ему представилась королева Иоанна, «блестящее свѣтило Италиі, слава не только женщинъ, но и королей», именитая не только предками, а и своею собственною доблестью ⁴⁾; но его трудъ слишкомъ мелокъ и ничтоженъ, и его полуживая искорка потускнѣла бы въ блескѣ королевскаго величія — и, устранившись, онъ измѣнилъ своему намѣренію и обращаетъ свой трудъ къ Андреѣ Аччьяйоли: ему припомнились ея почтенные нравы, цѣломудріе ⁵⁾ — высокое украшеніе женщинъ, даръ изящнаго слова ⁶⁾ и сила ума, которыми она далеко превосходитъ остальныхъ женщинъ, ибо что природа не дала слабому полу, то Господь восполнилъ въ ней по своей щедрости; не даромъ ея имя Андрея, ибо *ἄνδρες* по гречески то-же, что по латыни мужи ⁷⁾. Пусть милостиво приметъ даръ ученаго ⁸⁾, его посвященіе принесетъ ей въ потомствѣ не менѣе славы, чѣмъ графскіе титулы, чтеніе вызоветъ къ соревнованію съ доблестями древнихъ женъ. Если ты встрѣтишь сладострастное, примѣшанное къ святынѣ ⁹⁾, чего я

1) *A caeteris fere solutus curis.*

2) *Reipublicae.*

3) Сл. выше т. I, стр. 186; т. II, стр. 212.

4) *Novis a se forti pectore quaesitis laudibus.*

5) *Honestatem eximiam.*

6) *Verborum elegantiam.*

7) *Homines.*

8) *Scholastici hominis.*

9) *Lasciviam . . . immixtam sacris.*

не могъ исключить ¹⁾, не опускай его и не ужасайся, а подобно тому, какъ, войдя въ садъ, ты протягиваешь бѣлоснѣжныя ручки ²⁾ къ цвѣтку, устраняя колючіе шипы, такъ, отбросивъ нескромное ³⁾, собирай лишь достойное хвалы и подражанія ⁴⁾; ты цвѣтеши молодостью и красотой, не дай никому превзойти себя въ добродѣтеляхъ; ими умножается красота, а не притираниями ⁵⁾, какъ полагають многія женщины. Такъ поступая, ты не только обрѣтешься въ числѣ прославленныхъ ⁶⁾ въ этой бременной жизни, но, по милости подателя благъ, приобщись по смерти къ вѣчному свѣту. А мой трудъ, ободренный тобою, пройдетъ въ люди, не боясь злословія ⁷⁾, и вмѣстѣ съ славой другихъ именитыхъ женщинъ, распространитъ и твою, среди современниковъ (ибо не всѣмъ ты можешь быть извѣстна лично) и на вѣки.

Въ введеніи къ своему труду Боккаччо объясняетъ, что было ему поводомъ приняться за него: о великихъ мужахъ писали многіе, о замѣчательныхъ женщинахъ никто — и это удивительно. Если онѣ обнаружили мужественный духъ, геніальность ⁸⁾ и доблесть подвига, онѣ тѣмъ болѣе достойны похвалъ, что по природѣ изнѣженны ⁹⁾, слабы физически и недѣятельны умомъ ¹⁰⁾. Вотъ этотъ недочетъ авторъ и желалъ восполнить: къ женщинамъ добродѣтельнымъ онъ присоединяетъ и тѣхъ, которыхъ храбрость ¹¹⁾, умъ, изобрѣтательность ¹²⁾, дары природы,

1) Quod ut facerem recidendorum coëgit opportunitas (?).

2) Eburneas manus.

3) Obscenis verpositis.

4) См. тотъ-же образъ Дек. V, 10; Gen. Deor. XIV, 22. См. выше т. I, стр. 504, прим. 6.

5) Pigmentis.

6) Fulgidas.

7) Ab insultibus malignantium tutus.

8) Ingenio celebri.

9) Mollities insita.

10) Corpus debile ac tardum ingenium.

11) Audacia.

12) Industria.

либо счастливая или несчастная судьба сдѣлали извѣстными ¹⁾; наконецъ и тѣхъ, которыя, лично не совершивъ ничего, достойнаго памяти, были для другихъ великимъ побужденіемъ къ подвигамъ ²⁾. Такимъ образомъ рядомъ съ Пенелопой, Лукреціей, Сульпиціей очутятся Медея, Флора, Семпронія, великія, хотя и вредоносныя духомъ ³⁾, потому что, говоритъ Боккаччьо, я разумѣю понятіе славы ⁴⁾ не въ тѣсномъ смыслѣ доблести ⁵⁾, но съ позволенія читателей ⁶⁾, въ болѣе широкомъ, почитая именитыми всѣхъ женщинъ, прославившихся, по общему отзыву ⁷⁾, какимъ-бы ни было дѣломъ; вѣдь и среди Леонидовъ, Сципіоновъ, Катоновъ и Фабриціевъ я часто встрѣчалъ, читая, мятежныхъ Гракховъ, двуличнаго ⁸⁾ Аннибала, предателя Югурту, Силлу и Марію, обогранныхъ кровью гражданъ, богатаго и стяжательнаго Красса и тому подобныхъ. Прославленіе того, что достойно похвалы, порицаніе недостойныхъ, будетъ во славу доблестнымъ ⁹⁾, на позоръ косныхъ духомъ ¹⁰⁾; авторъ обѣщаетъ перемѣжать свое повѣствованіе общими мѣстами, поощреніями къ добродѣли ¹¹⁾, нареканіями противъ пороковъ, соединяя пріятное съ полезнымъ. Рассказывать онъ будетъ не по старому ¹²⁾, не кратко, а пространно, собирая все, что найдетъ въ достовѣрныхъ источникахъ, ибо это интересно не только женщинамъ, но и мужчинамъ, да и женщины по большей части не знаютъ исторіи ¹³⁾, и имъ надлежитъ рассказывать подробно, онѣ тѣмъ довольны. За исключе-

1) Notabiles.

2) Causas . . . maximas facinoribus praebuere.

3) Quibus praegrande sed perniciosum forte fuit ingenium.

4) Claritatis nomen.

5) Ut semper in virtutem videatur exire.

6) Bona cum pace legentium.

7) Orbi vulgato sermone.

8) Versipellem.

9) Generosis.

10) Ignavis.

11) Lepida blandimenta virtutis.

12) More prisco.

13) Ut plurimum historiarum ignarae sunt.

ніемъ Еввы, всѣ «святыя женщины», еврейки и христіанки, исключены изъ числа другихъ, славныхъ: онѣ къ нимъ не подходятъ, имъ не равнобѣрны ¹⁾, ибо стремясь къ вѣчной, истинной славѣ, слѣдуя святымъ велѣніямъ и примѣру своихъ наставниковъ, онѣ попрали человѣческое естество ²⁾, тогда какъ тѣ обнаружили силы своего духа, дѣйствуя по природному побужденію, влекомыя жаждой земной славы ³⁾ или судьбой. Святыя не только вѣчно прославлены, но и нашли достойныхъ жизнеописателей; о тѣхъ, другихъ, никто еще не говорилъ — и Боккаччо молить Господа благословить его трудъ ⁴⁾, предпринятый во славу его.

Изъ 104 главъ *De Claris Mulieribus* ⁵⁾ первая отдана Еввѣ, одна ⁶⁾ собственно еврейской древности, четыре ⁷⁾ среднимъ вѣкамъ, двѣ ⁸⁾ близкому къ Боккаччо времени, его современности; послѣдняя глава посвящена королевѣ Джованнѣ: ею кончается рядъ именитыхъ женщинъ, начатой Еввой. Въ заключеніе своей книги Боккаччо особо указываетъ на этотъ параллелизмъ; идти далѣе, въ новое время, когда такъ мало достойныхъ женъ ⁹⁾, онъ не желалъ, если кого опустилъ, то и не имѣлъ въ виду перечислять всѣхъ, если о комъ сказалъ неладно, то объясняется это недостаткомъ свѣдѣній ¹⁰⁾ и, можетъ быть, излишнимъ увлеченіемъ автора ¹¹⁾, не мало потрудившагося надъ обработкою своего текста, чему свидѣтельствомъ дошедшіе до насъ отрывки его первой редакціи ¹²⁾.

1) *Nec aequo incedere videntur gradu.*

2) *Sese fere in adversam persaepe humanitatis tolerantium coegere.*

3) *Momentanei fulgoris cupiditate.*

4) *Pio operi.*

5) Въ печатныхъ изданіяхъ (или уже въ рукописяхъ?) вставлена еще глава, по порядку предпослѣдняя (104): о Брунгильдѣ. Она перенесена цѣликомъ изъ *De Casibus IX, 1.*

6) Гл. 85.

7) Гл. 99—102.

8) Гл. 103, 105.

9) *Perrarus rutilantium numerus.*

10) *Ignorantia rerum.*

11) *Circa opus suum nimia laborantem affectio.*

12) *Hortia, Studi, стр. 111 слѣд.*

Свѣдѣнія принадлежатъ, главнымъ образомъ, греко-римскому міру, почерпнуты изъ источниковъ, какіе доступны были автору¹⁾ и предполагались «достоверными». Степень этой «достоверности» зависитъ отъ выработанности критическихъ приѣмовъ. Каковы онѣ были у Боккаччѣо и современныхъ ему гуманистовъ, мы отчасти знаемъ²⁾: критика оцупью, зависимость отъ слова — и ошибокъ рукописи, вѣроятность, принятая за достоверность, если она рациональна и не противорѣчитъ общимъ взглядамъ. Нерѣдко все ограничивается сопоставленіемъ нѣсколькихъ показаній³⁾, либо отдается преимущество одному, по чисто личнымъ соображеніямъ: вѣроятнымъ кажется напр., что Венера вышла замужъ за Вулкана, прежде чѣмъ за Адониса⁴⁾, не вѣрится, чтобы Амагтея была тождественна съ Деифобой⁵⁾; сохранилась память объ одномъ изобрѣтеніи Памфилы⁶⁾, объ одномъ лишь храбромъ дѣянніи Триаріи⁷⁾ — но, несомнѣнно, онѣ прославились и большимъ, какъ напр. Еврона, судя по тому, что ея именемъ названа часть свѣта и Пивагоръ поставилъ ей статую⁸⁾; увѣренность въ цѣломудріи Пенелопы заставляетъ отвергнуть противоположное свидѣтельство Ликофрона⁹⁾; вопросъ объ отождествленіи Флоры и Акки Лавренція разрѣшается и еще проще: такъ это, или нѣтъ, меня не интересуетъ, говоритъ Боккаччѣо, вѣрно одно — что Флора была женщина свободнаго поведенія и богата¹⁰⁾; го-

1) Валерій Максимъ, Юстинъ, Орозій, Плиній, Лактанцій, Цицеронъ, Овидій, Виргилій съ комментариемъ Сервія, Гигинъ, Солинъ, Мела, Макробій, Фульгенцій, Витрувій, Ливій, Юсифъ Флавій, Светоній, Тацитъ, *Scriptores Historiae Augustae*.

2) См. выше стр. 89 слѣд.

3) Гл. 2, 28, 62, 100.

4) Гл. 7.

5) Гл. 24.

6) Гл. 42.

7) Гл. 94.

8) Гл. 9.

9) Гл. 38: *Lycophron quidam novissimus poetarum ex graecis*. *Cl. Gen. Deor.* I. V, с. 44: по Леонтію Пилату, ссылавшемуся на Ликофрона.

10) Гл. 62.

ворять иные, что Минерва была не одна, а нѣсколько: съ ними я охотно соглашусь, тѣмъ болѣе будетъ знаменитыхъ женщинъ ¹⁾. — Когда дѣло заходитъ о богиняхъ и героиняхъ мифа, критика принимаетъ субъективный характеръ, но это дѣло школы. — Если въ Генеалогіяхъ Боговъ Боккаччо понимаетъ мифологію шире, допуская и натуралистическое толкованіе, то въ книгѣ объ Именитыхъ женщинахъ онъ чистый евгемеристъ. Эта разница освѣщеній подсказана, очевидно, и чтеніемъ Лактанція, и самымъ содержаніемъ труда: только при евгемеристической точкѣ зрѣнія въ немъ открывалось мѣсто для Юноны, Минервы, Венеры; всѣ онѣ смертныя жены, чѣмъ вибудь прославленныя, увѣковѣченныя воспоминаніемъ, возведенныя въ ликъ божества; мифъ есть результатъ забвенія, поэтической аллегоріи; его символы толкуются рационалистически. Опсъ (она-же Рея или Кибела) была дочерью Урана, могущественнаго между греками человѣка, но людское заблужденіе и наущеніе дьявола сдѣлали ее богиней ²⁾. Церера была властительницей Сициліи ³⁾; Минерва впервые объявилась при царѣ Огигесѣ, ея происхожденіе покрыто тайной, творила она многое, дотогѣ невиданное, почему у мудрыхъ людей того времени и сложились басни; что родилась она безъ матери, изъ головы Юпитера. Ея изобрѣтенія побудили признать въ ней богиню мудрости и соответственно изображать ее: свирѣпый взглядъ ⁴⁾, ибо рѣдко познается, что измышляетъ умъ мудраго ⁵⁾; шлемъ на головѣ: такъ сокровенны его измышленія; броня—ибо мудрый человѣкъ всегда вооруженъ противъ ударовъ судьбы и т. д. ⁶⁾. Венера уроженка Кипра ⁷⁾; Изида или Іо, египетская царица, мифъ объ ея обращеніи въ

1) Гл. 6.

2) Гл. 3; сл. Gen. Deor. III, 2, гдѣ Опсъ — дочь Урана = Целія.

3) Гл. 5; сл. Gen. Deor. III, 4.

4) Oculis torvam.

5) Eo quod raro noscatur in quam finem sapientis tendat intentio.

6) Гл. 6; сл. Gen. Deor. I, II, с. 3 и I, V, с. 48.

7) Гл. 7; сл. Gen. Deor. III, 28; Lact. Div. Inst. I, 17.

корову — продуктъ искаженія: дѣло идетъ объ изображеніи коровы на кораблѣ, на которомъ удалась Io ¹⁾; соотвѣтственно толкуется и быкъ, унесшій Европу ²⁾. Ниоба точно окаменѣла съ горя, потомъ стали рассказывать, что она окаменѣла въ самомъ дѣлѣ ³⁾; такъ объяснили себѣ и вліяніе красоты Медузы: такова была чарующая сила ея глазъ, что на кого она взглянула милостиво, тотъ стоялъ недвижимъ, какъ-бы не помня себя ⁴⁾; Эзонъ помолодѣлъ отъ радости, не отъ чаръ Медеи ⁵⁾; если о Цирцѣй рассказывается, что она обратила мужчинъ въ звѣрей, то такихъ Цирцей много: таково дѣйствіе сладострастія и порочности; Улиссъ, слѣдовавшій совѣту Меркурія, означаетъ разумнаго мужа ⁶⁾. Флора, римская блудница, очутилась нимфой Хлорой, супругой Зефира, затѣмъ богиней Флорой ⁷⁾. — Все это навожденіе дьявола: имъ объясняется прозорливость Манто, Кассандры ⁸⁾ — если это не божій даръ, потому что еритрейская и кумская сивиллы ⁹⁾, очевидно, излюблены были Богомъ.

Изъ четырехъ главъ, посвященныхъ среднимъ вѣкамъ, три воспроизводятъ народное, отчасти устное преданіе, безъ всякой попытки критики. Легенда о папессѣ Іоаннѣ ¹⁰⁾, впервые объявляющаяся во второй половинѣ XII-го вѣка, перенесшая на римскія отношенія то, что рассказывалось о византійской патріархиссѣ, представлена у Боккаччью въ особомъ пересказѣ, обличающемъ такое именно устное происхожденіе. Въ своихъ *De Casibus Virorum Illustrium* онъ повторилъ ее въ иномъ изло-

1) *Cui vacca esset insigne*, с. 8. *Cl. Gen. Deor.* V, 46. *Cl. Lact. Div. Inst.* I, с. 11: то-же объ Isis = Io.

2) Гл. 9; *cl. Com. ed. Milanesi v. I*, стр. 437; *Lact. Div. Inst.* I, 11.

3) Гл. 14; *cl. Gen. Deor.* XII, 2: статуя Ниобы естественно покрывается влагой отъ осажденія паровъ; отсюда и мифъ.

4) Гл. 20; *cl. Gen. Deor.* X, 10.

5) Гл. 16; *cl. Gen. Deor.* XIII, 25.

6) Гл. 36.

7) Гл. 62; *cl. Gen. Deor.* IV, 61; *Lact. Div. Inst.* I, 20.

8) Гл. 28, 38.

9) Гл. 19, 24.

10) Гл. 99.

женіи; одна мелкая подробность, касающаяся годовъ папства, видимо подтверждаетъ мнѣніе, что De Casibus оконченъ позже книги о Знаменитыхъ женщинахъ: здѣсь сказано, что Іоанна правила церковью нѣсколько лѣтъ ¹⁾, въ De Casibus, что въ теченіи двухъ лѣтъ, семи мѣсяцевъ и нѣсколькихъ дней. Выше ²⁾ мы отмѣтили такое-же отношеніе текстовъ De Clavis Mulieribus и De Casibus въ разсказѣ о Констанціи; Боккаччо повторилъ народную, завязанную въ своей партійности, легенду о королевнѣ, насильно постриженной и затѣмъ извлеченной изъ монастыря, чтобы стать супругой императора Генриха VI. Такъ разсказывали уже Данте и Фаціо дельи Уберти; Боккаччо лишь усилилъ краски: Констанціи былъ 30-й годъ, когда она вышла замужъ, у него она очутилась 55-ти лѣтней, морщинистой старухой. — Остается еще разсказъ о Гвальдрадѣ, исторически неточный въ томъ смыслѣ, что Гвальдрада была уже замужемъ, когда явился во Флоренцію Оттонъ IV-й, и не могла быть имъ помолвлена за графа Гвидо; но такое именно смѣшеніе встрѣчается уже у Джованни Виллани, Боккаччо слышалъ легенду отъ Коппо ди Боргезе Доменики, на котораго ссылается, повторяя въ Комментаріяхъ къ Божественной Комедіи ³⁾ разсказъ De Clavis Mulieribus ⁴⁾.

Отъ пріемовъ критики перейдемъ къ изложенію. Оно неровно, потому что для подробнаго разсказа, который обѣщаль Боккаччо, не всегда хватало матеріала; въ такихъ случаяхъ онъ прибѣгалъ къ внѣшнему развитію, параллелизму, накопленію риторическихъ вопросовъ, рѣчей ⁵⁾ и морализацій. Онъ наивно раскрываетъ намъ тайны своего ремесла въ главѣ о супругахъ Меніевъ ⁶⁾: кромѣ одного великодушнаго подвига ничего не

1) Aliquibus annis.

2) Сл. выше стр. 213.

3) Ed. Milanesei v. II, стр. 434—6.

4) Hortis, Studi, стр. 104 слѣд.

5) Рѣчь Ветурии въ гл. 53.

6) Гл. 29.

сохранила о нихъ завистливая судьба, говоритъ онъ, но я употреблю всѣ силы и какое могу искусство, чтобы достойно восхвалять память безыменныхъ! И онъ украшаетъ стилистически небольшую тему: о любящихъ женахъ, освободившихъ своихъ мужей, занявъ ихъ мѣсто въ тюрьмѣ. Подобныя мелкія, чувствительныя или героическія темы даютъ содержаціе цѣлымъ главамъ: Сульпиція тайно убѣгаетъ изъ подъ присмотра матери, чтобы соединиться съ изгнаннымъ супругомъ ¹⁾; Юлія умираетъ, увидѣвъ одежду мужа, обогренную жертвенной кровью, и вообразивъ, что мужъ убитъ ²⁾. Попытки характеристики рѣдки ³⁾, за то Боккаччо идетъ на встрѣчу эпическому развитію, если найдетъ его въ своемъ сюжетѣ или воспоминаніяхъ. Такъ съ любовью разсказана старая легенда о Пирамѣ и Тисбѣ ⁴⁾; въ анекдотѣ изъ Іосифа Флавія, напоминающемъ одну изъ новеллъ Декамерона ⁵⁾, авторъ ощутилъ себя прежнимъ новеллистомъ: Паолина — цѣломудрая красавица, но простушка до смѣшного ⁶⁾, отвергаетъ любовь ухаживавшаго за нею юноши Мунда, который пользуется ея простосердечіемъ, чтобы овладѣть ею. Она особо почитала Анубиса, храмъ котораго ежедневно посѣщала; жрецъ, закупленный Мундомъ, вѣщаетъ ей однажды, что Анубисъ, довольный ея благочестіемъ, желаетъ побесѣдовать съ нею въ храмѣ наединѣ ⁷⁾. Паолина, возмнивъ себя святою, вѣритъ этому, увѣрила въ томъ и недалекаго мужа ⁸⁾; въ храмѣ ея, сонную, будитъ своими поцѣлуями Мундъ-Анубисъ. Развѣ небожители могутъ, и у нихъ въ обычаѣ смѣшиваться со смертными? спрашиваетъ Паолина; Мундъ отвѣчаетъ указаніемъ на Юпитера и Данаю, отъ которой родился Персей, взятый впо-

1) Гл. 83.

2) Гл. 79.

3) Сл. гл. 86: Иродъ и Маріамна.

4) Гл. 12.

5) Дек. IV, 2.

6) *Ridicula simplicitate sua.*

7) *Per quietem.*

8) *Stolidior conjuge.*

слѣдствіи на небо — и Паолина соглашается. Уже супругъ радостно поджидаетъ рожденія бога—но Мундъ неосторожно выдаетъ себя: разсчитывая на то, что Паолина и впредь будетъ принадлежать ему, если узнаетъ, что онъ овладѣлъ ею хитростью, онъ какъ-то разъ шепнулъ ей: Радуйся Паолина, что зачала отъ меня — бога Анубиса! Вышло однако не то, на что онъ разсчитывалъ, Паолина все разсказала, и Мундъ и жрецы поплатились ¹⁾).

Очевидно, это одинъ изъ тѣхъ разсказовъ, гдѣ «шипы» всего гуще заслонили искомый въ нихъ цвѣтокъ. Другой, также до-развившійся до новеллы, но скромный разсказъ о Гвальдрадѣ ²⁾ принадлежитъ флорентійской исторіи: императоръ Оттонъ IV любитъся въ церкви красотой и скромнымъ видомъ Гвальдрады, хвалить ее ея отцу, а тотъ отвѣчаетъ, улыбаясь: Какова она ни на есть, государь, а коли угодно твоей милости, она тебя поцѣлуетъ. Дѣвушка смутилась, встала и, зардѣвшись, едва вскинувъ глазами на отца и тотчасъ же потупивъ ихъ, сказала: Не говори того, отецъ, ибо клянусь, никто, развѣ силой, не добьется того, что ты щедро предлагаешь, кромѣ человѣка, съ которымъ ты соединишь меня законнымъ бракомъ. Императоръ, хотя и варваръ-германецъ ³⁾, удивленъ отвѣтомъ дѣвушки, хвалить ее не-годованіе и тутъ же обручаетъ ее съ однимъ именитымъ юношей, щедро надѣливъ ее приданымъ.

Главы 103 и 105 говорятъ о лицахъ и событіяхъ, которыхъ Боккаччо былъ свидѣтелемъ или о которыхъ слышалъ отъ современниковъ. Впрочемъ, глава о королевѣ Джованнѣ ⁴⁾ не столько біографическій очеркъ, сколько панегирикъ ⁵⁾; глава 103 разсказываетъ о побѣдѣ флота короля Роберта надъ сицилійскимъ, при чемъ взятъ былъ въ плѣнъ Роландъ, побочный сынъ

1) Гл. 89.

2) Гл. 101.

3) *Nedum germanica obsistente barbarie.*

4) Гл. 105.

5) См. выше т. I, стр. 388—9.

короля Сициліи Фридриха. Другихъ плѣнниковъ выкупили, его забыли; въ Мессинѣ жила тогда богатая вдова Каміола, родомъ изъ Сіэны, она сжалилась надъ юношей, но для сохраненія своего достоинства, ей не было другаго средства выкупить его, какъ предложивъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ и свою руку. Онъ согласился и даже обручился съ ней черезъ прокуратора, но по выходѣ изъ тюрьмы уклонился отъ брака, какъ будто о немъ не было и рѣчи. Каміола уличила его въ присутствіи судьи, сославшись на подпись и свидѣтелей. Онъ сознался въ своей винѣ, но когда побуждаемый и укоряемый друзьями и братьями, сталъ упрашивать Каміолу совершить свадьбу, она отвѣтила ему презрѣніемъ, въ пространной рѣчи, въ которой Боккаччьо показалъ свое риторическое искусство: Я благодарю Бога, что познала тебя прежде, чѣмъ стала твоей женой, говоритъ она; ты полагалъ, что, забывъ свое положеніе, я позарилась на царственного юношу, на твою красоту, и согласился быть моимъ мужемъ, чтобы потомъ наглумиться надо мною. Теперь твое коварство обнаружено, всѣмъ стало ясно, можно-ли довѣряться тебѣ, чего отъ тебя надѣяться, чего бояться; я потеряла золото, ты честь, я надежду, ты любовь короля и друзей. Не воображай себѣ однако, что я пожелаю выкупить тебя ради тебя самого: меня побуждала къ тому и память благодарнѣй, оказанныхъ твоимъ отцемъ моему — если отцемъ твоимъ былъ въ самомъ дѣлѣ блаженной памяти король Фридрихъ; только мнѣ не вѣрится, чтобы у столь именитаго властителя былъ такой недостойный сынъ. Сознаюсь: не пристало мнѣ, простой женщинѣ—вдовѣ, имѣть мужемъ королевича, красиваго, статнаго юношу; но скажи, куда дѣлись всѣ эти преимущества, когда ты, забытый всѣми, пребывалъ въ неволѣ? Тогда я казалась тебѣ достойной не только тебя, но и бога. Теперь ты забылъ объ этомъ, а вѣдь я — та-же Каміола, выкупившая тебя изъ плѣна. Да, я не царскаго рода, но съ дѣтства ¹⁾ водилась съ царскими женами, немудрено было проникнуться ихъ нравами:

1) Ab incunabulis.

этого достаточно, для благородства ¹⁾. Но я облегчу тебѣ то, въ чемъ ты ставилъ мнѣ затрудненія. Ты былъ моимъ и отрицался того; теперь пусть останется за тобой твое царское величіе, запятнанное обманомъ ²⁾, твоя юношеская сила и брэнная красота; я довольна своей вдовьей долей, и богатства, дарованныя мнѣ Богомъ, достанутся болѣе достойнымъ наслѣдникамъ, чѣмъ тѣ, которыхъ я имѣла бы отъ тебя.

Рѣчь Каміюлы можетъ дать понятіе о той стилистической обработкѣ, какую получалъ въ рукахъ Боккаччо избранный имъ сюжетъ, какого бы онъ ни былъ происхожденія, вычитанный или воспринятый по слухамъ. О Каміолѣ ему, очевидно, рассказали свѣдущіе люди, во флотѣ короля Роберта были не только солдаты ³⁾, но и волонтеры изъ народа; «повѣрь мнѣ въ этомъ» ⁴⁾, говорятъ Боккаччо. И въ другихъ біографіяхъ видны слѣды воспоминаній и увѣренности современника, очевидца: гору въ Италіи, гдѣ будто бы жила Цирцея, мы до сихъ поръ зовемъ Monte Circeo ⁵⁾; римскій обычай, освященный преданіемъ о матери Коріюлана: вставать, когда проходятъ женщины, держится и теперь ⁶⁾; описаніе портретнаго изображенія императрицы Фаустины на сохранившихся по нынѣ монетахъ свидѣтельствуетъ о личномъ впечатлѣніи: нѣтъ выраженія ⁷⁾, движенія глазъ, живыхъ красокъ лица и улыбки, но очертанія говорятъ о прежней красотѣ ⁸⁾.

Точка зрѣнія, опредѣлившая выборъ именитыхъ женщинъ, уже знакома намъ изъ введенія ⁹⁾: болѣе извѣстныя, чѣмъ славныя; въ гл. 48-й Боккаччо подтверждаетъ ее снова по поводу

1) Quod satis est ad nobilitatem assumendam regiam.

2) Infidelitatis . . . nota foedata.

3) Conductus miles.

4) Mihi crede.

5) Гл. 36; Gen. Deor. IV, 14; De Montibus a. v. Appenninus и Circea.

6) Гл. 58: quod nostra in patria ritu veteri servatur hucusque.

7) Oris habitus.

8) Гл. 96.

9) Сл. выше стр. 216—17.

исторіи Леаны: онъ имѣеть въ виду не однѣхъ только цѣло мудрыхъ женъ, но и вообще славныхъ; къ тому-же мы такъ обязаны чтить доблесть¹⁾, что не только восхваляемъ ее, когда онъ пребываетъ въ достойномъ мѣстѣ²⁾, но должны поставить ее въ подобающій ей свѣтъ, когда она погрязла въ порокѣ — ибо она всегда драгоцѣнна, и порокъ не сквернитъ ее, какъ грязь не пачкаетъ освѣтившій ее солнечный лучъ³⁾. Потому, если мы обрѣтемъ ее въ челоуѣкѣ, преданномъ позорному занятію⁴⁾, намъ слѣдуетъ порицать занятіе, не умаляя хвалы доблести, тѣмъ болѣе достойной удивленія, чѣмъ менѣе мы ее ожидаемъ.

Согласно съ этимъ у Боккаччьо болѣе славныхъ женщинъ, чѣмъ добродѣтельныхъ. Особыя похвалы расточаются цѣломудрію⁵⁾, женской стыдливости, дѣвственности⁶⁾, супружеской⁷⁾ и сыновней любви⁸⁾, величію духа, смѣлости и рѣшимости, мужеству⁹⁾, передъ которыми иные мужчины оказываются «зайцами въ шлемахъ»¹⁰⁾: таковъ богатырскій типъ Пентезилеи¹¹⁾ и блестяще развитой, воинственной и цѣломудренной Зенобіи¹²⁾; Дидона на языкѣ финикійцевъ то-же, что *virago*¹³⁾. Всюду моментомъ сравненія являются мужчины: того-бы не совершить и мужчина — лучшая похвала женщины; если благодаря своему дарованію, искусству или божественному наитію женщина достигаетъ великаго (говорится по поводу Амалтеи), то мужчины, богато ко

1) *Adeo virtuti obnoxii sumus.*

2) *Insigni loco consistam.*

3) Сл. Дек. заключеніе автора: «слова и не особенно приличныя не могутъ загрязнить благоустроенный умъ, развѣ такъ, какъ грязь марааетъ солнечные лучи»; сл. пер. II, стр. 833.

4) *Detestabili officio.*

5) Гл. 38, 40, 46, 51, 61, 65, 71, 78, 98.

6) Гл. 19, 28, 37, 64.

7) Гл. 27, 29, 76, 79—81, 92, 94.

8) Гл. 15, 60, 63.

9) Гл. 31, 50, 59, 68—70, 75, 85, 88, 91, 101.

10) Гл. 80.

11) I. с.

12) Гл. 98.

13) Гл. 40.

всему одаренные, могли бы достигнуть до божества, если бы со-
влекли малодушіе ¹⁾).

Особую группу славныхъ женщинъ составляютъ изобрѣта-
тельница: Церера ²⁾, Минерва ³⁾, Изида ⁴⁾, Арахна ⁵⁾, Никострата
или Кармента ⁶⁾, Памфила ⁷⁾. Благодѣянія Цереры, впервые вы-
ведшей людей изъ звѣринаго быта въ теченіе культуры, вызы-
ваютъ вопросъ: хвалить ли ее за то или осудить? Взвѣшиваются
хорошія и худыя стороны культуры и «золотому» вѣку дается
перевѣсъ: это та же пессимитическая точка зрѣнія, какъ въ Амето,
въ разсказѣ Адіоны ⁸⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ изобрѣтеніе Карментой
грамоты вызываетъ похвалы, о ея благодѣяніяхъ говорится
такъ же восторженно, какъ въ *De Casibus Virorum Illustrium* ⁹⁾
о значеніи человѣческаго слова ¹⁰⁾; это — спеціальная заслуга
латинянъ Италіи, ее не отниметь ни германская хищность (*garracitas*),
ни галльская дерзость (*fugor*), ни англійское коварство
(*astutia*), ни жестокость (*furocitas*) испанцевъ: латиняне первые
изобрѣли начала грамотности, и чѣмъ далѣе она распространяется,
тѣмъ болѣе растеть слава ихъ имени.

И далѣе идеалъ золотого вѣка и первобытной невинности
меркнетъ передъ прославленіемъ поэзіи и искусствъ: Саффо
посвятила себя поэзіи, блескъ которой выше сіянія царскихъ
вѣнцовъ ¹¹⁾, Марція, презрѣвъ женскія занятія ¹²⁾ и избѣгая
бездѣлья, отдалась живописи ¹³⁾, какъ и Тамирисъ ¹⁴⁾, и Бок-

1) Гл. 24.

2) Гл. 5.

3) Гл. 6.

4) Гл. 8.

5) Гл. 17.

6) Гл. 25; сл. *Gen. Deor.* I. V, 51: по Теодонцію и Леонтію Пизату.

7) Гл. 42.

8) Сл. выше т. I, стр. 278—9.

9) VI, 13.

10) Сл. выше, т. I, стр. 494—5.

11) Гл. 45.

12) *Aspernatis muliebribus ministeriis.*

13) Гл. 64.

14) Гл. 54.

каччю превозноситъ ихъ въ сравненіи съ женщинами, интересующимися только веретеномъ и корзиной ¹⁾, воображающими, что онѣ созданы для тунеядства, мужскихъ объятій и рожденія дѣтей, тогда какъ, позанявшись и поработавъ ²⁾, онѣ могли-бы сравняться съ знаменитыми мужами. Это сказано по поводу поэтессы Корнифиціи ³⁾ и повторено въ похвалѣ другой поэтессы Пробѣ ⁴⁾: она могла-бы удовлетвориться, судя по обычаю женщинъ, прялкой, иглой и тканьемъ ⁵⁾, но священные занятія ⁶⁾ освободили ее умъ отъ ржавчины косности, и она сподобилась вѣчной славы ⁷⁾; пусть поучатся у ней тѣ, которыя предаются сладострастію и бездѣлю, которымъ кажется дѣломъ, что, сидя на постелѣ, онѣ проводятъ время въ глупыхъ разсказахъ ⁸⁾, съ утра до вечера занимаясь пустой болтовней и злословьемъ ⁹⁾. Пусть подумаютъ, что лучше: снискать ли славу похвальными дѣлами, либо похоронить свое имя вмѣстѣ съ тѣломъ, проживъ, будто не жили?

Остаются жены, славныя не добродѣтелью: Медея, страшный примѣръ древняго коварства ¹⁰⁾, героини сладострастья, красивыя, не знающія стыда ¹¹⁾, вродѣ императрицы Фаустины, причтенной къ лику богинь, «дабы божественность восполнила ущербы разврата» ¹²⁾, или Семіамиры, когда-то продажной женщины ¹³⁾, впоследствии «священнѣйшей матери» императора ¹⁴⁾:

1) *Equidem laudabile plurimum, si prospectemus fusos et calathos aliarum.*

2) *Si studiis insudare velint.*

3) Гл. 84.

4) Гл. 95.

5) *Colus et acus atque textura.*

6) *Sedula studiis sacris.*

7) *In lumen evasit aeternum.*

8) *Fabellis frivolis.*

9) *Sermones. . . nocuos aut inanes blatterando deducere.*

10) Гл. 16.

11) Гл. 85, 77, 86, 93.

12) Гл. 96.

13) *Inhonesti.*

14) Гл. 97.

жестокія ¹⁾, «чудовищныя» ²⁾, жадныя и стяжательныя ³⁾, въ которыхъ не знаешь, чему болѣе удивляться: смѣлости или преступности ⁴⁾. Съ Гекубой ⁵⁾ мы выходимъ изъ области дѣятельнаго героизма: она показательница несчастной доли ⁶⁾, Паолина интересна лишь своей смѣшной наивностью ⁷⁾, Мегулія Дотата не по себѣ, а щедростью своихъ родителей ⁸⁾. Здѣсь понятие славы незамѣтно переходитъ къ болѣе скромному понятію извѣстности, хотя бы анекдотомъ.

Предупреждая читателя, что понятіе славы шире границъ доблести, Боккаччо поспѣшилъ оградить себя отъ возможныхъ нареканий: ему придется говорить о порокахъ, но онъ будетъ морализировать. За исключеніемъ нѣсколькихъ общихъ мѣстъ о вредѣ любостыжанія ⁹⁾ и о щедрости ¹⁰⁾, о неправедныхъ судьяхъ ¹¹⁾ и несчастной жадности власти ¹²⁾, вся остальная морализація касается женщинъ, выражая, въ положительной и отрицательной своей части, взгляды автора, пережившаго или еще переживавшаго тревожное время Корбаччо. Иныя выходки, выраженія прямо напоминаютъ этотъ памфлетъ. Общая точка зрѣнія та-же: женщина несовершеннѣе мужчины ¹³⁾; тѣмъ выше ихъ заслуга, если онѣ сумѣли освободиться отъ прирожденныхъ имъ свойствъ: у нихъ умъ неповоротливый ¹⁴⁾, онѣ вѣтренны ¹⁵⁾ и жалост-

1) Гл. 49.

2) Гл. 90.

3) Гл. 26, 77, 86.

4) Гл. 34.

5) Гл. 82.

6) *Miseriarum certissimum documentum.*

7) Гл. 89.

8) Гл. 52.

9) Гл. 20, 26, 77.

10) Гл. 67.

11) Гл. 56.

12) Гл. 49.

13) Гл. 24, 55 въ концѣ, 91 и *passim.*14) Гл. 57; *tardissimum.*

15) Гл. 1, 101.

ливы¹⁾, созданы для нѣги, не для власти²⁾, не щедры³⁾, подозрительны⁴⁾, упрямы⁵⁾, болтливы⁶⁾, когда въ обществѣ имъ подобало бы хранить молчаніе, и лишь въ необходимыхъ случаяхъ похвально бываетъ украшенное слово⁷⁾.

Что въ книгѣ о женщинахъ вопросамъ любви и смежнымъ съ нимъ отведено первенствующее мѣсто — это естественно. Но куда дѣвалась идеализація любви, съ ея культурной, одухотворяющей силой, которая въ вѣныхъ разсказахъ Декамерона скрадываетъ ея физиологическую подкладку! Только поэтическая легенда о Пирамѣ и Тисбѣ⁸⁾ окружена симпатіями: исторія двухъ влюбленныхъ, привязавшихся другъ къ другу еще съ дѣтства и съ годами переходящихъ отъ привязанности къ страсти, какъ герои Филоколо; излишняя охрана со стороны родителей дѣвушки приводитъ и ее и Пирама къ трагической развязкѣ. У кого столь каменное сердце, чтобы не пролить надъ ними слезу? спрашиваетъ Боккаччо. Они любили другъ друга и не заслужили своей кровавой доли: любовь — грѣхъ плоти, не заслуживающій порицанія въ людяхъ не связанныхъ бракомъ⁹⁾: вѣдь они могли вступить въ бракъ; виновата злая судьба, можетъ быть, родители; обуздывать порывы молодыхъ людей надо осторожно¹⁰⁾, дабы, подѣйствовавъ внезапно, не увлечь ихъ къ отчаянію и гибели — ибо силы любовной страсти непомѣрны, это точно недугъ, порокъ юношескаго возраста, но порокъ благой¹¹⁾, который надо терпѣть; недаромъ сама природа такъ устроила, ввиду поддержанія чело-

1) Гл. 68.

2) Гл. 14.

3) Гл. 67: tenacitas; сл. 27, 77.

4) Гл. 72.

5) Гл. 74.

6) Гл. 91.

7) Гл. 82: decora... loquacitas.

8) Гл. 12.

9) Florentis aetatis amor crimen est, nec horrendum solutis crimen.

10) Sensim.

11) Adolescentium fere pestis et come flagitium.

вѣческаго рода, что мы стремимся къ плотскому акту въ цвѣту-щихъ лѣтахъ, не въ старости.

И такъ любовь—естественный порокъ юности, ея единствен-ная цѣль—произведеніе потомства ¹⁾; что въ это, то лишнее, порокъ и грѣховная страсть, совращающая къ злу. Между любовью и сладострастіемъ ²⁾ нѣтъ, въ сущности, разницы: онѣ вселяются въ сердца дѣвушекъ и юношей, живущихъ въ удо-вольствіяхъ и бездѣльи, ибо Амуръ бѣжитъ отъ всего серьезнаго и строгаго ³⁾; любовь сломила даже Алкида, сдѣлавъ его женоподоб-нымъ, противъ нея надо вооружиться, ибо она не является безъ желанія: надо воспротивиться ей въ самомъ началѣ, обуздать глаза, дабы они не видѣли, заткнуть уши на подобіе аспида, по-давить сладострастіе постоянной работой. Кто не остерегается, къ тому она подходитъ тихо и нѣжно; воспринятая, ласкаетъ надеждой, внушаетъ вкусъ къ нарядамъ, изощряетъ нравы и остроуміе ⁴⁾, заставляетъ любить танцы, пѣсни, игры, пиры и т. п. Овладевъ всѣмъ человѣкомъ, она опутываетъ его свободу, вызы-ываетъ сѣтованія, когда надежды не осуществились, побуж-даетъ къ хитростямъ, не различая между порочнымъ и добро-дѣтельнымъ, лишь бы достигнуть желаемаго, и считая враждеб-нымъ себѣ все, что тому перечить. И вотъ, объятый пламенемъ любви, человѣкъ мечется безъ усталы: стремится увидѣть люби-мый предметъ, и чѣмъ болѣе видитъ, тѣмъ болѣе пылаетъ, и такъ какъ раскаянію нѣтъ мѣста, являются слезы и ласковыя моленія, призываютъ посредницъ, обѣщаютъ, даютъ и соряютъ, обманываютъ стражей, и бессонныя ночи помогаютъ взять приступомъ оберегаемое сердце ⁵⁾. Тогда бѣгутъ стыдъ и честь и Церера и Вакхъ призываютъ страстную Венеру.

1) Гл. 98; сл. Ameto, стр. 35: Sempre fuggendo quanto può l'arguta—Voglia del generare, a qual s'accende—Quanto concede la regola avuta.

2) Гл. 2: libido.

3) Гл. 21: Gravitatis. . . spretor.

4) Mores compositos, facetias urbicas.

5) Septa vigiliis capiuntur corda.

Но съ этимъ не всегда умалется пылъ, напротивъ, доходитъ нерѣдко до безумія: забывается достоинство, достояніе расточается, являются ненависть и опасность для жизни, распри, перемежающіяся недолговѣчнымъ миромъ, подозрѣнія и враждебная душѣ и тѣлу ревность. Либо вожделѣніе не удовлетворено, тогда неразумная любовь накопляетъ заботы и желанія и невыносимыя муки, противъ которыхъ нѣтъ иныхъ средствъ, кромѣ слезъ и жалобъ и смерти; обращаются за помощью къ старухамъ-знахаркамъ ¹⁾, къ халдеямъ ²⁾, испытываютъ силы травъ, заговоровъ и чаръ ³⁾, ласки обращаются въ угрозы, уготовляется насиліе, осуждается неудавшееся наслажденіе и нерѣдко бѣшенная страсть доводитъ до петли и меча. Такова то сладость любви, которой намъ подобало бы бѣжать, а мы чтимъ ее, какъ божество, принося ей въ жертву наши слезы и вздохи, вѣнчая ее нашей скверной ⁴⁾. Бѣжать, закрывъ глаза: не для того дана имъ защита—вѣки, чтобы закрывать ихъ отъ солнца, а чтобы уберечь отъ вредныхъ впечатлѣній ⁵⁾. Ибо красота заразительна: хотя старость и незначительный недугъ ее и портятъ, но женщины видятъ въ ней одно изъ своихъ преимуществъ, многія, по безразсудному мнѣнію смертныхъ, ею главнымъ образомъ красовались — и Боккаччю намѣренъ говорить о ней въ біографіяхъ знаменитыхъ женщинъ, говорить по поводу Еввы ⁶⁾ и Медузы ⁷⁾, особенно Елены ⁸⁾: она такъ была прекрасна, что самому Гомеру, не то что другимъ, пришлось изощрить свой умъ, чтобы достойно описать ее; тщились то сдѣлать многіе живописцы и ваятели, между ними знаменитый Зевксисъ: онъ изобразилъ ее, руководясь опи-

1) Aniculae.

2) Chaldaei.

3) Carminum et maleficorum.

4) Obscoenitatum nostrarum coronas immittimus.

5) Гл. 16.

6) Гл. 1.

7) Гл. 20.

8) Гл. 85.

*

саніемъ Гомера и тѣмъ, что повѣствовала о ней повсемѣстная молва, и выбравъ въ красивѣйшихъ мальчикахъ и дѣвушкахъ, что въ нихъ было наиболѣе изящное, воплотилъ все это въ одинъ образъ, едва-ли достигнувъ своимъ искусствомъ того, чего желалъ. И не мудрено: какая кисть или какой рѣзецъ передать веселье ласковаго взгляда¹⁾, небесную улыбку, изящныя выраженія лица, отвѣчавшія рѣчамъ а движеніямъ? Все это можетъ создать одна лишь природа, художникъ сдѣлалъ, что могъ, оставивъ потомству какъ-бы образъ божественной красоты²⁾. Отсюда остроумные³⁾ люди сложили басню: звѣздный блескъ очей, дивная бѣлизна лица, золото роскошныхъ волосъ, спадающихъ на плечи капризными кольцами⁴⁾, чарующая мелодія голоса, уста, чтѣ киннамъ и роза, сіяніе чела, бѣлоснѣжная шея, возникающая изъ невиданной прелести персей — все это вызвало разсказъ, что Елена — дочь Леды и превратившагося въ лебедя Юпитера, ибо кромѣ красоты, унаслѣдованной отъ матери, у нея было еще нѣчто божественное, чего не удавалось выразить ни кистью, ни красками.

Въ Боккаччо проснулся на мгновенье не только «знатокъ женщинъ⁵⁾», но и художникъ, къ сердцѣ котораго отозвался *l'hymne mélodieux de la sainte Beauté⁶⁾*; онъ видимо засмотрѣлся на пластическія красоты Елены, но тотчасъ же спасается въ мораль Франческо да Барберино и обузданіе глаза. Цѣломудренная жена — та, которая глядитъ не далѣе своего подола, ведетъ лишь скромныя рѣчи, притомъ мало и во время, бѣжитъ отъ бездѣлья, какъ отъ врага, отъ пировъ, ибо безъ Вакха и Цереры цѣпенѣтъ любовь; отъ пѣсенъ и плясокъ, ибо въ нихъ стрѣлы сладострастья. Она бережлива и воздержна, печется о домѣ, затыкаетъ уши отъ

1) *Laetitia oculorum, totius oris placidam affabilitatem.*

2) *Tamquam coeleste simulacri decus.*

3) *Acutiores.*

4) *Petulantibus. . . . cincinnis.*

5) *Corbaccio: conoscitore delle femmine.*

6) *Leconte de Lisle, Hypatie.*

нескромныхъ разговоровъ ¹⁾, воздерживается отъ гулянокъ ²⁾, отъ притираний и духовъ и излишнихъ нарядовъ, и попирая вредныя мысли и вожделѣнія, помышляетъ о божественномъ, любя всѣмъ сердцемъ одного лишь мужа, да и ему отдаваясь не безъ стыдливости и краски стыда ³⁾. Панегврикъ супружеской любви (т. е. любви жены къ мужу) ⁴⁾ дополняетъ этотъ образъ идеальной жены, какихъ мало, какихъ нѣтъ

Это открывало широкое поле обличеніямъ: исчезла старая простота нравовъ, святая нищета; всѣ, даже простолюдины, отдались роскоши, гоняются за большими придаными ⁵⁾, состояніе мужей уходитъ на наряды женъ: не ладно поступилъ римскій сенатъ, дозволивъ имъ рядиться, чтобы почтить Ветурию; вредный обычай пережилъ вѣка, но что дѣлать? Міромъ властвуетъ женщина, мужчина ея собственность ⁶⁾. Многие можно было-бы сказать о женской распущенности, коварныхъ ласкахъ и слезахъ — гибельнѣйшемъ ядѣ для тѣхъ, кто имъ вѣрять, но я пишу исторію, не сатиру, говоритъ Боккаччѣ ⁷⁾ — и невольно пускается въ сатиру. Поппея Сабина кокетничаетъ, какъ въ Корбаччѣ ⁸⁾: она знаетъ, что на нее любятъ, и показываетъ въ фатѣ не для того, чтобы скрыть ею то, чѣмъ хотѣла-бы возбудить вожделѣніе, а дабы не удовлетворить глаза излишнею откровенностью и раздражить желаніе ⁹⁾. Какъ въ Корбаччѣ ¹⁰⁾ разработанъ ювеналовскій мотивъ: когда дѣло идетъ о мужѣ, жена, оказывается, всего труситъ: и морской болѣзни, и путешествій, ее пугаютъ ревъ быка и шорохъ мыши; иное дѣло

1) Гл. 65: *obscenis confabulationibus*.

2) *Circuitationibus*.

3) Гл. 65.

4) Гл. 29, 83, 94; см. выше стр. 227, прим. 8.

5) Гл. 52.

6) Гл. 53: *muliebris est mundus, sic et homines muliebres*.

7) Гл. 93: *ne viderer satyram potius quam historiam recitasse*.

8) См. выше стр. 37.

9) Гл. 93.

10) См. выше стр. 24.

любовникъ, тутъ она готова на все ¹⁾). Женскій «сенатъ» Семіа-миры, въ которомъ рѣшались серьезные вопросы, какъ кому одѣваться, кому уступать дорогу, передъ кѣмъ вставать и т. д. ²⁾, напоминаетъ такой-же потѣшный синклитъ мадонны Чангеллы ³⁾, а похвала цѣломудрію вдовъ и грозныя проповѣди противъ повторенныхъ браковъ ⁴⁾ едва-ли не стоятъ въ связи съ личными мотивами Корбаччо.

Но всегда-ли виновна женщина, во всемъ-ли женская слабость? Есть родители, отдающіе въ монастырь дѣвочекъ или и взрослыхъ дочерей, не спросившись ихъ, въ полномъ убѣжденіи, что это будетъ имъ во спасеніе души. Они поступаютъ, какъ скупцы, утаивающіе у дочерей часть ихъ приданого, и заставляютъ ихъ испытать, что сами не въ состояніи были-бы перенести. Точно они не знаютъ, что бездѣлье—союзникъ Венеры, что невольныя затворницы станутъ завидовать даже продажнымъ жевцинамъ, что глядя въ міру на свадьбы и празднества, на пляски и наряды, они будутъ проклинать и родителей и схиму, помышлять о побѣгѣ, о тайномъ любовникѣ? Таково-то благочестивое настроеніе, таковы возносящіяся горѣ молитвы, если не у всѣхъ, то у многихъ изъ нихъ. Не дѣвочекъ слѣдуетъ отдавать въ монастырь, не безъ ихъ сознанія и не противъ воли, а взрослыхъ, воспитанныхъ въ добрыхъ нравахъ, сознательно исполняющихъ обѣтъ дѣвственности. Такихъ мало, но это лучше, чѣмъ осквернять божій храмъ множествомъ распутницъ ⁵⁾. «Добрые нравы» ставятъ для дѣвушки ту-же программу воздержанія, какъ и для женщины ⁶⁾; и здѣсь много зависитъ отъ родителей, особенно матерей: роскошная жизнь дома, слабость родителей къ

1) Гл. 83: *nauseam timent. . . expallent bovis forsan audito mugitu*. Сл. гл. 94: *nedum feminas (quibus ut plurimum mos est etiam diurno muris murmure in sinu conjugis exanimari)*.

2) Гл. 97.

3) Сл. выше стр. 84.

4) Сл. особенно гл. 40; гл. 55, 87, 92.

5) Гл. 43: *multitudine illecebri*.

6) Гл. 87.

дѣтямъ, —верѣдко бываетъ причиною ихъ паденія¹⁾, ибо какъ ни сильны врожденныя, естественныя наклонности, въ юности онѣ такъ поддаются вліянію, что изъ нихъ можно сдѣлать все, что хочешь²⁾).

III.

Мы попытались выдѣлать изъ *De Claris mulieribus* ихъ дидактическую часть; отношеніе къ морали Корбаччо опредѣляется настроеніемъ того и другаго труда: Корбаччо — страстный памфлетъ, въ немъ поневолѣ преобладаетъ отрицаніе; въ *De Claris Mulieribus* есть мѣсто и положительнымъ требованіямъ, какъ и въ Декамеронѣ панегерикъ любви чередуется съ проповѣдью нравственности, но господствующее настроеніе остается пессимистическое. Это — результатъ опыта, приведшаго къ болѣе серьезной постановкѣ вопроса о цѣляхъ жизни, не къ полному нравственному равновѣсію; отсюда неизбежныя колебанія и непримиренныя, можетъ быть, безсознательныя противорѣчія: осталось и новое, порывы свободы, лежавшіе въ темпераментѣ, въ духѣ времени, и рядомъ боязливая приверженность къ старому, прочному, издавна манившему обѣщаніемъ покоя скорбящимъ и волнующимся. Эти противорѣчія никогда не примирялись въ Боккаччо, не примирялись и въ Петраркѣ; они могли соединять ихъ практически, могли обманывать себя блестящей фразой, цѣлью афоризмовъ, перекидывавшихся съ одного края пропасти на другой, но они ихъ переживали. Въ этомъ отношеніи *De Claris Mulieribus* важнѣе для характеристики нравственной и умственной череполосицы Боккаччо, чѣмъ крайній пессимизмъ его сатиры. Поставленъ вопросъ о женщинѣ и любви; любовь, по скольку въ бракѣ она не отвѣчаетъ цѣлямъ человѣческаго размноженія и супружескаго цѣломудрія, отрицается; въ противобѣсъ ей выдвигаютъ цѣлый сонмъ добродѣтелей и обереговъ; ихъ

1) Гл. 48.

2) Гл. 77.